

«Духовная лирика» — такой подзаголовок дал Валерий Хатюшин своей новой поэтической книге «Вино и хлеб» (М. Журнал «Молодая гвардия». 2019). Книга эта, привлекающая чистотой лирического чувства и сохранённой вопреки всему внутренней тишиной — одна из самых удачных у В. Хатюшина. Стихи, вошедшие в неё, современные — без потуг на современность, просты — без потуг на простоту, лиричны — без ненужного лирического надрыва и захлёста, серьёзно глубоки — без излишней заумности и ложной философичности. Поэт абсолютно искренен и открыт перед собой и читателем, и в этом смысле перед нами, безусловно, лирическая исповедь. А если прибавить к этому неожиданный и нетривиальный составительский замысел, остаётся сказать, что эта книга читается на одном дыхании — с естественными интересом и удовольствием.

Но подзаголовок «Духовная лирика» заставляет задуматься. То, что Валерий Хатюшин называет «духовной лирикой», никакого отношения к духовной лирике в общепринятом понимании этих слов — стихотворениям, посвящённым Христу, Богородице, святым, библейским и евангельским событиям — не имеет. Перед нами лирический дневник современного человека, писавшийся всю жизнь, поэтическое житие, записки на полях о жизни и судьбе в их соотносённости с Богом, обращение к Богу не очень воцерковлённого, как теперь принято говорить, но искренне верующего человека, который хорошо понимает, что Бог — главная часть его жизни, и постоянно размышляет о Творце мира.

Книга эта — своеобразное лирическое исследование идущей к Богу души, где стихи, запечатлевшие сокровенные чувства и мысли, выступают как документальные свидетельства происходящего. И сомнений в том, что подзаголовок книге дан не случайно — не возникает.

Неизбежно вспоминается поэтическое духовное завещание святого Серафима Вырицкого «От меня это было», разговор Бога с душой человека, в котором судьба человека предстаёт как данный ему путь к Творцу: «Думал ли ты когда-либо, что всё,

касающееся тебя, касается одинаково и Меня? Ибо касающееся тебя касается зеницы Моего ока... От Меня это было». «Нет слепого случая! — пишет в „Аскетических опытах“ Игнатий Брянчанинов. — Бог управляет миром, и всё, совершающееся на небе и в поднебесной, совершается по суду премудрого и всемогущего Бога, непостижимо в премудрости и всемогуществе Своём, непостижимо в управлении Своём». Вот эту-то волю Божью о себе, Пути Господни, и пытается понять В. Хатюшин в своём поэтическом исследовании.

Валерий Хатюшин принадлежит к «перемолотому» поколению, по которому тяжёлой болью прошли все тектонические разломы эпохи. Как поэт он сложился в советское время, в предперестроечные восьмидесятые, когда большая часть интеллигенции бесповоротно распрощалась с атеизмом («Пусть атеизм вошёл в сознание, // но в душу не проникнул он»), однако перейти порог храма, стать настоящими христианами, многим в этом поколении не удалось — Бог остался для них предметом личных размышлений, исканий, постоянных внутренних стремлений и любви. Поэтическое развитие Валерия Хатюшина идёт стремительно, он следует за голосом души, прощается с губительными заблуждениями, выходит к Свету. Молодой поэт в самом начале творческого пути, замышляя грядущее, обращается к своей душе и пишет: «Коль вырвать слово из неё, // прервав молчанье золотое, — // чтоб только главное, твоё, // чтоб только самое святое». Это — поэтическое и нравственное кредо, которому он будет следовать всю жизнь. Стихи этих лет — философские размышления о Боге и бытии, попытка вырваться из атеизма, опираясь на науку и философию.

Валерия Хатюшина интересуют вечные вопросы — жизнь, смерть, вера, вселенная, душа, Бог: «К чему остаются бессмертным // на брошенной в пропасть Земле? // Привыкнув к несчастьям несметным, // спасёмся ль в пыли и в золе?» «Брошенная в пропасть Земля» явно перекликается с пустой вселенной Александра Блока: «Года идут. Миры летят. Пустая // Вселенная глядит в нас мраком глаз. // А ты, душа, усталая, глухая, // О счастья твердишь — в который раз?..» Брошенная в пропасть Земля — апофеоз безверия, вселенная, в которой нет Бога, и душу человеческую настигает неизбежное смятение, ибо жизнь и счастье в таком мире невозможны и бессмысленны. Но наука не объясняет вечного — и её выводы тоже подвергаются сомнению. Одухотворённая, вызывающая восторг романтическая вселенная, возникающая в стихах Николая Заболоцкого, в которой присутствуют незримый и неназванный Бог и постигающий законы мироздания творческий разум ученого «Но для бездн, где летят метеоры, // Ни большого, ни малого нет, // И равно беспредельны просторы // Для микробов, людей и планет», — для Валерия Хатюшина невозможна. Человеческого познания и человеческих истин для него мало — без Божьей правды красота меркнет, а смысл бытия — исчезает. Поэт словно бы продолжает разговор, начатый Блоком, возвращаясь к корням русской веры и русского мировоззрения: «Счастье земное, придёт оно! // Краше и радостней, чем в раю. // Если воскреснуть нам не дано, // как оправдаем мы жизнь свою? // Кончится время жестоких дней, // в деле, родившемся на Руси, // старая заповедь „Не убей!“ // выльется в новую: „Воскреси!“».

Заповеди Нового Завета вопреки всему живут в русских сердцах — тысячелетнюю молитву и веру не убили за десятилетия безбожной власти. Но корни народа подрублены, устои разрушены. Перед нами мир за минуту до крушения. Поэт хорошо понимает это. Он обращается к России: «Бесцельная, плутаешь, как во мгле. // Бурьяном заросла твоя дорога. // Россия, далеко ль уйдёшь без Бога? // И есть ли путь без веры на земле?» И опять — как приговор, ободрение и благословение на дальнейший путь, вспоминаются строки из поэтического завещания Серафима Вырицкого: «Я — Бог,

располагающий обстоятельствами. Ты не случайно оказался на твоём месте, это то самое место, которое Я тебе предназначил. ...От Меня это было».

А дальше — «...безумный, неизвестный // И за сердце хватающий полёт» (А. Блок) — крушение СССР, из крупнейшей в истории мира геополитической катастрофы переросшее в крушение основ мира, бытия и человеческой души. Спокойный, прогретый солнцем антропоцентрический атеистический мир стремительно рушится, становится откровенно предапокалиптическим — здесь всё срывается с орбит, всё летит в бездну. Рушатся государства, границы, представления о мире и бытии, планы, надежды, любовь, вера, рушатся человеческие судьбы и представления о мироздании. Этот мир бьётся в сетях электронной всемирной паутины, где бродят «в лабиринтах Интернета // потерявшиеся дети...», где «мобильные зомби» «идут, уставившись в мобильники, // вокруг не видя ничего», «и, гнусавые, с экрана // смачно бесы голосят», где самолёты, сбросившие бомбы на Хиросиму и Нагасаки, возникают в небе Нью-Йорка и целются в его высоты. Но прежде всего они целются в Россию. Надо всем этим — ставшая вечным символом поруганной Родины чёрная тень горящего расстрелянного Дома Советов:

*Сгоревший Дом — как траурная тень...
Он был ушедшим им уже не виден...
На Красной Пресне в этот скорбный день
со всеми плакал я на панихиде.*

*Нас ждёт тоска немереных дорог,
нас в прах испепелят иные грозы...
Вчера закон был с нами, нынче — Бог,
и в этот день Он видел наши слезы...*

Понимание происходящего у Валерия Хатюшина совпадает с пониманием трагических событий Татьяной Глушковой, сказавшей пасхальное «смертию смерть поправ» в те минуты, когда дым и пепел горящего расстрелянного Дома Советов ещё висели над Москвой: «Снег забинтует раненую Пресню. // Смотри: кругом — бело, и ветер стих. // Большая совесть обмирает с песнью: // „Их души водворятся во благих!“» И Глушковой, и Хатюшиным великая трагедия понимается в соотношении с вечностью — зло и смерть в мире давно побеждены Христом, и благодаря Воскресению Христову не только души убиенных будут в раю, но и распятая на Кресте Россия одолеет смерть и воскреснет. Такая безоглядная вера удивительна, потому что в рушащемся, охваченном злом мире трудно расслышать голос Бога — он заглушается тектоническим шумом разрывающихся геополитических пространств, ложью орущих средств массовой информации, болью повальных предательств, и все эти наполненные полыхающей лавой разломы бытия проходят через сердца людей, через их души. Это мир крушения гуманизма, мир попранного человеческого. Но, по пророческому слову Тютчева, блаженны сумевшие расслышать высокий голос Бога в роковые минуты бытия. „Когда искушения восстанут на тебя, и враг придёт, как река, Я хочу, чтобы ты знал, что от Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Валерию Хатюшину удаётся принять это высокое тютчевское блаженство. Его жизненная позиция давно обозначена, он — воин Христов в великой войне за Россию, являющуюся Престолом Божиим. Водораздел исторической правды для Хатюшина проходит по Христу: «Распявшие Христа, // убившие царя, // растлившие Россию и народ, // они на площадях // беснуются не зря, // творя раздор и брань из года в год». Нахлынувшему

мраку противостоит патриотическая Россия, представителем которой является поэт. В борьбе ада против Неба он — солдат Неба, и это его сознательный выбор.

*Одна лишь цель мне может силы дать,
не жалко жизни, чтоб её достигнуть:
Империю былую воссоздать,
врагам России по делам воздать
и Храм Спасенья на Крови воздвигнуть.*

За долгие годы противостояния нечисти, губящей Россию, мировоззрение Валерия Хатюшина, его взгляд на историю, мир, происходящее сложились как христианские — это продуманная, пережитая, переболевшая действенная вера во Христа, возросшая на конкретных поступках. И не случайно вслед за психологически точным портретом растерянного современника («Все грешные мысли свои и дела // мы копим в темнице сердец. // И съэжились мы в ожидании зла, // в погибельный веря конец») в стихах даётся беспощадный приговор эпохе, а вместе с ним — возникает точное, выстраданное и непобедимо оптимистическое понимание того, что выход — не только есть, но и есмь, и это непобедимое торжествующее ликование бытия родилось куда раньше нашего смертного мира:

*Но слова Его и любви красота
спасает наш мир каждый час.
Не ждите Антихриста, ждите Христа.
Антихрист давно среди нас.*

«Духом и истиною поклоняйтесь Богу, — писал Св. Иоанн Кронштадский. — Истиною — например, ты говоришь: да святится имя Твоё. Есть ли в тебе действительно желание, чтобы имя Божие свяtilось добрыми делами людей и твоими? Да придет царствие Твоё; желаешь ли ты в самом деле наступления Царствия Божия... Смотри же, чтобы язык твой не был в разногласии с сердцем; не лги... Господу на молитве твоей». Вот это постоянное обдумывание истин Божьих и деятельное следование им — и есть путь, которым Валерий Хатюшин идёт к Богу. Это путь ума и действия, путь познания мира, созданного Богом, Божьей Правды и Слова Божьего и служение этой Правде поэтическим и публицистическим словом. «Помни, что всякая помеха есть Божие наставление, и потому положи в сердце своё слово, которое Я объявил тебе в сей день, — от Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Трагична и личная судьба поэта, она походит на судьбы многих живущих в больших городах современников — крушение семьи, смерть близких и острое чувство одиночества в перенаселённом, гудящем, неостановимо несущемся навстречу земным химерам городе. Поэт сознательно не выделяет себя из многоголосой, спешащей, шумящей толпы — это его поэтическая и человеческая позиция. Он — часть народа, а потому, пытаясь понять свою жизнь и судьбу, Хатюшин стремится понять свой народ, живущий по-другому, чем предки, и избывающий в городе тоску генной памяти и детских деревенских воспоминаний. Слово «толпа» употребляется здесь не в пушкинском понимании слова, это не «тупая чернь», противостоящая поэту, не в понимании Ортеги-и-Гассета как восстание обезличенных масс — это полноводная текущая народная река с втянутыми в её водовороты ярчайшими личностями, зачастую покалеченными миром, свергнутыми в губительный «апокалипсис мел-

кого греха» (св. Иоанн Шанхайский), но не утратившими самобытности и самостояния.

Валерий Хатюшин — такой же, как тысячи его современников, спешащих по своим делам в метро, несущихся по проспектам, он — один из обитателей гудящей много-миллионноквартирной многоэтажки, называемой столицей, один из миллионов, вдыхающих дымный воздух ночного города. «Я на воздух из квартиры выхожу, // по сырому снегу в сумерках брожу. // Хлёсткий ветер бьёт в лицо со всех сторон, // слышу гнущихся деревьев тихий стон. // Жёлтый свет течёт из каждого окна, // и душа ещё сильнее напряжена». Над городскими многоэтажками трудно разглядеть небо. Поэтому временами поэта захлёстывают отчаянье, ощущение бессмысленности происходящего, бессмысленности бытия: «Будет город беззвёздный и смрадный // душу в адские муки ввергать, // будет пламя тоски беспощадной // грудь мою день за днём прожигать. // ...Но в московском отчаянье грешном // мне приснится земли уголок, // где в просторе полей белоснежном // я от скверны очиститься мог», — не в первый раз в стихах возникает образ утерянной деревни, утраченной природы, разрушенной России — как образ утерянного эдемского сада. Но и в отчаянье, и в беде с городского дымного беззвёздного неба слышен голос Бога: «Ты создавал себе свои планы и принёс их Мне, чтобы я благословил их. Но я хочу, чтобы ты предоставил Мне распоряжаться обстоятельствами твоей жизни... От Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Стилистический строй стиха Валерия Хатюшина тоже подчёркивает его неразделимость с народом, с тысячами собратьев по бытию. Внутренне Хатюшин ориентируется на лёгкий летящий стих Пушкина — но вместе с тем это речь нашего современника, максимально приближённая к разговорной речи, без нарочитых, бросающихся в глаза образов, попыток поразить яркостью — и тут поэт, верный себе, желает соответствовать правде бытия. Не отделять себя от народа — нравственный выбор, и потому рассказ о личной судьбе и личных исканиях становится общезначимым и приобретает особую важность и глубину — ведь то, что происходит с автором этой книги, происходит со многими:

*Темно-серая, промозглая зима.
В четырёх своих углах схожу с ума.*

*То мне кажется, что где-то плачет дочь
и зовёт, а я бессилён ей помочь.*

*То почувствую, что мать совсем плоха —
и гоню тоску подальше от греха...*

Мать и дочь — две точки нравственного отсчёта, нерушимой и негасимой земной любви. Но и эта любовь горька и трагична. Болезнь и угасание матери: «Наркоза тягостный провал... // Надежд больничных упования... // Я вместе с ней переживал // её безумные страдания». Разлука с дочерью — печальный результат крушения семьи: «Не дано нам встретиться, Алёна... // Мать Божью столько долгих дней // всё прошу я сердцем воспалённым // развязать узлы беды моей». Поэт остро переживает и осознает и трагичность бытия, и свои собственные несовершенство и грешность. В чём был неправ? Почему так происходит? — вечные большие вопросы. Неизбежно приходят отчаянье и ропот — можно ли столько беды перенести одному человеку? Можно ли столько горя перенести каждому в этой спешащей, бесконечной шумной

толпе? И опять вспоминается стихотворение Александра Блока: «И, уцепясь за край скользящий острый, // И слушая всегда жужжащий звон, — // Не сходим ли с ума мы в смене пёстрой // Придуманых причин, пространств, времён...» Всё тщетно! Всё бессмысленно! Но и на это отчаянье Бог уже дал ответ поэтическими строками св. Серафима Вырицкого: «Не получаешь ты долго известий от близких и дорогих тебе людей и по малодушию твоему впадаешь в отчаяние и ропот, знай — от Меня это было. Ибо этим томлением твоего духа Я испытываю крепость веры твоей...»

Валерий Хатюшин в стихах предельно открыт и исповедален — он всегда идёт за нахлынувшей лирической волной, но вместе с тем с пристальным вниманием наблюдает за глубинами души, отдавая себе отчёт в сути происходящего и не скрывая от себя внутреннего разлада: «Жил я в азарте безумных утех. // Ангел отмаливал каждый мой грех. // Счастья искал я, невзгоды кляня. // Ангел прощенья просил за меня. // Сердце рвалось и скулило в крови. // Ангел шептал мне во сне о любви». Этот связующий с Богом Свет, ангел, постоянно шепчущий во сне о любви, подсказывает душе, как ей выйти из тьмы греха и бесконечных тупиков эпохи. «Бог есть Любовь», а потому следования путём ума, желания понять Правду Божью явно мало для того, чтобы осилить судьбу. Что удивляет в стихах Валерия Хатюшина — среди бесконечного гама и шума мегаполиса, среди камнепада и тектонической лавы эпохи ему удалось сохранить чистоту лирического чувства, редкую в наши дни тишину души и присущую с детства нежность ко всему живому. Нежность эта, пожалуй, сродни есенинской, несмотря на совершенно иной строй стиха. По природе своего таланта Валерий Хатюшин — прежде всего лирик. Когда он пишет о природе — лирическая струя бьёт, как незамутнённый лесной ключ, возвращая земные творения Божьи под первозданную сень эдемского сада. И сердце человеческое, следуя властной лирической природе стиха, жаждет раскрыться Божественной любви:

*Предназначение нашей жизни брэнной —
не объяснить, не разгадать вовек.
Есть два созданья высших во Вселенной,
Божественных — цветок и человек.*

*И если в ком-то мы души не чаем, —
волнение дышит и у нас в крови.
Даря цветы, друг другу мы вручаем
частицу той Божественной любви.*

Есть в русской поэзии феномен, о котором хорошо знают поэты: при свойственной каждому из них несомненной, не скрываемой и хорошо осознаваемой грешности, когда они пишут стихи, подчиняясь поднимающей и преображающей волне вдохновения, — сердца их чисты: всё лишнее, ненужное, сиюминутное, наносное из них уходит. Конечно, речь идёт не о той чистоте сердца, которая даётся Богом святым. И всё же сама природа поэтического слова преображает поэта, поднимает его до целомудренной бездны стиха, как писал Заболоцкий. О преображающей силе поэзии свидетельствовали многие, среди них — Евгений Баратынский: «Душа певца, согласно излитая, // Разрешена от всех своих скорбей; // И чистоту поэзия святая // И мир отдаст причастице своей». Причастие поэзии — это причастие высокому земному слову. Но до Бога Слова и до причастия Христу от него лежит бесконечно долгий путь.

Так в трудную трагическую эпоху сложилась судьба одного из наших современников, похожая и непохожая на тысячи судеб живущих рядом людей. Пройдя путями Земли, он вкусил вина и хлеба жизни и стал причастен ко всему, что происходит на планете. Но выполнил ли он Божью волю о себе? Неизбежно наступает щемящая осенняя пора подведения итогов, раздумий, переосмысления и примирения со всем. Оглядываясь на пройденный путь, поэт в который раз пытается понять тайный смысл происходящего:

*Судьба, судьба, как странно ты сложилась!..
Была необъяснима жизнь моя.
Но шла за мною Божеская милость
и следом — беспощадность бытия.*

*Каким-то чудом выжил я на свете,
нисколько не озлобившись душой.
Смотрю с улыбкой, как играют дети,
как сквер сияет молодой листвой.*

*Была мне тайна высшая открыта
и о любви шептал мне каждый куст...
Я всё же выжил... Но страна — разбита,
и дом унылый — холоден и пуст.*

И всё-таки внутренний свет, тепло и любовь, которыми согрето стихотворение, заставляют усомниться в печальной трезвости последних строк. «Беспощадность бытия» в душе Валерия Хатюшина давно отступила перед щедрым светом идущей за ним божеской милости. Пришли смирение, спокойное примирение и с жизнью, и со смертью, неизбежные на зрелом земном рубеже. И высшая тайна Любви, разлитой в воздухе мира, открывшаяся поэту давно, перевесила все прошедшие печали — не зря каждый куст здесь шепчет о любви и каждый цветок передаёт вести от Бога: «...всякое жало притупится, когда ты научишься во всем видеть Меня. Всё послано Мною для совершенствования души твоей, — от Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Вместе с приятием жизни, смерти, судьбы, примирением и прощением — в сердце поэта врывается живой солнечный луч вечной жизни — это пасхальная весть, вечная радость бытия, награда за терпение, труд, смирение и любовь. Человеку не дано окончательно преодолеть земное, и всё же осилившая земные пути душа поднимается ввысь, преодолевая силу притяжения влекущей к себе материи. Прощающий будет прощён. Эта личная победа, дарованная Христом, мгновенно преображает все чувства и мысли: «С бытийной круговерти // сойду без шумной тризны. // Родившийся для смерти, // умру для вечной жизни». Почувствовавшее стремительный солнечный божественный ветер вечного бытия сердце раскрывается долгожданным прозрением и покаянием — раскрывается Христу:

*Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал.*

*Я оставался глух и слеп,
мне было знать смешно,
чьим телом был мой чёрный хлеб
и кровью чьей — вино.*

После этого стихотворения восприятие книги резко меняется — как в русских иконах, происходящее начинает восприниматься в обратной перспективе: главное по мере удаления не уменьшается, а увеличивается, избирательно высвечивается, восприятие важности событий становится сакральным, смысловым. При этом, как замечал П. А. Флоренский, образуется символическое пространство, связывающее зрителя с миром символических образов горнего мира, и всё, прожитое поэтом до этого мига, видится совершенно по-другому. Всё, что происходило в жизни поэта, происходило именно для этого мгновения — для того, чтобы человек осознал, что всё дано ему Богом, что Христос всегда стоял рядом, всегда стучался в его сердце. Книга Валерия Хатюшина из лирической мгновенно превращается в документальную — в важное поэтическое свидетельство того, что Бог в судьбе человека присутствует всегда. Вся жизнь поэта видится как единая мысль о Боге, как путь к Богу, как подспудная молитва, интуитивное прошение к Христу — *позволь мне к Тебе прийти!* Ибо без позволения Христа человек прийти к нему не может. И когда эти два моления — постоянно обращённый к нам зов Христа: «Приди!», заглушаемый гулом времени, грехами, страстями, нерадением, и человеческая молитва — долгая упорная, подспудная, неотступная — сливаются воедино, происходит главное чудо:

*...Я знаю, кто спасал меня —
чья кровь и тело чьё.
И отсвет горнего огня
изжег лицо моё...*

*Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...
...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...*

Новым, небесным светом после этих строк высвечивается название книги «Вино и хлеб», новым смыслом и новой Любовью высвечивается судьба — это Христос бережно и неотступно вёл поэта путями земли к причастию — Своим Телу и Крови. Так вино и хлеб жизни благодатью Христа преобразуются в вечные Вино и Хлеб Святых Даров.

Да, это духовная лирика, и более того — эта книга, писавшаяся всю жизнь, — очень важное для многих современников непридуманное свидетельство о внутренней жизни человека и о том, что Христос с нами всегда. «А потому положи в сердце своё слова, которые Я объявил тебе сегодня: от Меня это было. Ибо это не пустое для тебя, но это — жизнь твоя» (св. Серафим Вырицкий).

Наталья ЕГОРОВА
г. Смоленск

